

Вер. март - 2004 - 15 марта - с. 4, 5
КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«КОГДА ВСЕ ОРУТ, НАДО ГОВОРИТЬ ШЕПОТОМ»

Борис Заборов:

«Моя ностальгия – врожденная»

Девять лет назад я случайно забрела на его выставку в ГМИИ имени Пушкина. Казалось, в прохладных пустынных залах были развешаны старинные дагерротипы: лица и очертания на картинах растворялись в мерцающем сумраке небытия. Это была воплощенная, почти звучащая ностальгия. Сам Заборов считает, что устраивать его выставку в Москве в 1995-м было преждевременно – от эмигранта, 15 лет проведшего во Франции, родина ждала чего-то более резкого и ошеломляющего. Его нынешняя выставка, размещившаяся в залах Третьяковской галереи на Крымском валу, стала одной из самых посещаемых. Борис Заборов родился в 1935 году, в Минске, в семье художника Абрама Заборова. Три курса проучился в Ленинградской Академии художеств, потом переехал в Москву, где окончил Институт имени Сурикова. В 1981 году оказался в Париже. Там-то и выработался стиль «живописного воспоминания о фотографии», который принес художнику известность. Париж, давным-давно уставший от новых картин и новых имен, принял его. В его двухэтажной мастерской в одном из центральных парижских районов бывают коллекционеры со всего мира. Получивший диплом театрального художника, Заборов любит повторять, что театр занимает в его жизни место паузы, перерыва в основной работе. Все же именно он в конце 80-х оформлял знаменитый «Маскарад» Анатолия Васильева в «Комеди франсез». А его недавний вернисаж на Крымском валу собрал всю театральную Москву.

фото Сары Мун

– Вы довольны своей нынешней выставкой в Третьяковской галерее?

– Очень. На вернисаж пришли мои друзья ранних лет, например, Леня Хейфец, Петя Фоменко. Музейные работники сказали мне, что давно не видели на выставках такого сборища приятных лиц. Не могу забыть, как провалилась моя выставка в Москве и в Петербурге девять лет назад. Интересно: те же работы, что я выставлял тогда, вызывают у сегодняшней публики совершенно другие чувства. За это время Россия утомилась от хитроумных и наглых выступлений, готова воспринимать тихую, камерную живопись. Известно, что когда все орут, надо говорить шепотом. Собственно, я всегда так и говорил, но сейчас шепот лучше слышат.

– Вы часто приезжаете в Москву?

– Второй раз за двадцать пять лет.

– И какие впечатления?

– Мне все задают этот вопрос. Но что вы имеете в виду?! Если одежду Москвы, то она неузнаваема. С людьми – сложнее. Я иногда встречаюсь с таким уровнем хамства, что понимаю: люди не соответствуют всем этим визуальным изменениям. А потом вдруг на улице врезаюсь в компанию молодых людей, слышу замечательную русскую речь, хорошие интонации, вижу достойные лица юношей, девушек – красавиц, и сразу думаю: нет, я не прав, изменения происходят и в людях, идет процесс становления. Во французской жизни тоже все меняется, но это так не будоражит общество. Там спящий вулкан, а здесь вулкан извергающийся.

– Год назад мы с вами встретились в Париже, на грандиозном вернисаже в Латинском квартале. Как вы считаете, возможно такое в Москве?

– Почему бы и нет? В Париже это ежегодный праздник, когда все галереи на левом берегу Сены открыты до поздней ночи и туда приходят любопытные, а заодно – все желающие выпить и закусить. Другое дело, что создать такую традицию – географически обозначенные места, где бы расположились крупнейшие галереи – очень непросто. Тем не менее, в Москве уже наметились какие-то точки – на Крымском валу, на Арбате. Но должно еще появиться новая культура!.. В Париже все это случилось само собой – в начале 20-го века все первые этажи в оживленном студенческом районе скупали люди, желающие открыть свою галерею, число галерей росло и, наконец, весь Латинский квартал оказался галерейным. В мировом сознании он укрепился как самый интересный с точки зрения живописи. Однако сегодня такие районы есть и на правом берегу Сены – районы Опера Бастий

Мальчик на велосипеде. 2003.

Композиция со шрифтом. 1996.